

Диктанты по русскому языку

Дыхание моря

Зеленоватый сумрачный воздух, наполненный солнечным дымом и желтыми отсветами скал, струился над нами. Безмолвие каменного хаоса скрывало смертельные опасности обвалов. От каждого резкого звука мы вздрагивали и смотрели вверх, где, уткнувшись лбом в глыбы гранита, стояла небольшая туча.

В сотый раз я пожалел, что не родился художником: надо было передать в красках эту геологическую поэму. В тысячный раз я почувствовал вялость человеческой речи. Не было ни слов, ни сравнений, чтобы описать могущество кратеров, дыхание моря, влитого в их пропасти, и тысячу ласковых вещей: всплеск воды, прозрачные струи, нежнейшие водоросли, сообщавшие величавому пейзажу оттенок простоты и безопасности.

Не было слов, чтобы передать затененные гроты, высланные черным блеском, темную прозрачность волн, качавших далеко внизу спины серебряных рыб, и, наконец, луну, видную снизу даже днем и похожую на клубок розового пара, замерзшего в холоде недостижимых высот.

Как передать на полотне отражение, имеющее объем, но вместе с тем не имеющее ничего, кроме непрерывной игры световых частиц?

В вечные льды

С давних пор Север считали непроходимым и опасным для жизни. И все же начиная с X VI

века корабли наведывались в Арктику в поисках прохода между материками. Это была многовековая мечта английских и голландских мореплавателей. Хотя они открыли немало новых пустынных земель, никому не удалось ответить на главный вопрос, причем многие экспедиции, не достигнув цели, исчезали во льдах.

Полярные области наименее пригодны для парусного судоходства: оснастка кораблей насквозь промерзала, палубы и мачты покрывались льдом, так что натягивать паруса было невозможно. Айсберги оставляли пробоины в корпусе корабля. Ночью мог неожиданно замерзнуть фарватер, и движение прекращалось. А если судно заставала зима, его можно было считать погибшим: с каждым днем плотнее сжимали корабль дрейфующие льды и рано или поздно продавливали деревянный борт. Тогда экипаж мог искать спасения, полагаясь лишь на свою выносливость, и брести, выбиваясь из сил, по ледяной пустыне, преодолевая трещины. Надеяться на зимовку без пристанища, запасов продовольствия и топлива при пятидесятиградусных морозах было немыслимо. (Из энциклопедии «Что есть что») (152)

В старом лесу

Лес, в который мы вступили, был чрезвычайно стар. На почтительном расстоянии друг от друга поднимались могучие сосны громадными, слегка искривленными столбами бледно-желтого цвета, между ними стояли, вытянувшись в струнку, другие, помоложе. Зеленоватый мох, весь усеянный мертвыми иглами, покрывал землю. Солнце не могло пробиться сквозь высокий намет сосновых ветвей, но в лесу было все-таки душно и вовсе не темно. Как крупные капли пота, выступала и тихо ползла вниз тяжелая, прозрачная смола по грубой коре деревьев. Мы шли по мху, как по ковру, особенно Егор двигался бесшумно, словно тень, под его ногами даже хворостинка не трещала. Он шел не торопясь и изредка посвистывая.

Егор вдруг подозвал меня.

— Медведь воды хотел достать, — промолвил он, указывая на свежую царапину на самой середине ямы, затянутой мелким зеленым мхом.

— Это след его лапы? — спросил я.

— Его. Видишь: вода-то пересохла. На той сосне тоже его след: за медом лазил. (По И. Тургеневу) (146)

Великие пирамиды

Пять тысячелетий тому назад египетский фараон поручил своему гениальному зодчему воздвигнуть сооружение, какого еще не видывал свет, — колоссальную гору из камня, построенную по строгому математическому расчету, такую прочную, чтобы простояла до скончания веков. Строительство первой в мире пирамиды длилось в течение двух десятилетий, а количество работников: военнопленных, рабов, добровольных помощников — исчислялось десятками тысяч.

На протяжении двух следующих веков египетские фараоны воздвигали себе гробницы. За этот сравнительно небольшой срок были сооружены великие пирамиды, которые доньше поражают и восхищают туристов. Самая большая пирамида была возведена по приказу фараона Хеопса. Это грандиозное сооружение высится на западном берегу Нила, напротив Каира — нынешней столицы Египта.

Возведение рукотворных гор прекратилось так же внезапно, как и началось. Многие тайны этих величественных памятников были раскрыты благодаря расшифровке древнеегипетских иероглифов.

Тремя тысячелетиями позже обычай строить пирамиды возродили индейские племена

Мексика. В непроходимых джунглях создавались целые города из пирамид и ритуальных храмов, однако завоевание этих земель испанцами положило конец строительству пирамид. (Из энциклопедии «Что есть что») (151)

Весна

На солнце нельзя было теперь взглянуть: лохматыми ослепительными потоками оно лилось с вышины. По синему-синему небу плыли облака, словно кучи снега. Весенние ветерки пахнули свежей травой и птичьими гнездами. В саду, из разогретой земли, протыкая догнивающие листья, лезла трава, весь луг подернулся белыми и желтыми звездочками. С каждым днем прибывало птиц в саду. Забегали между стволами черные дрозды. Как солнцу вставать, во всех скворечниках просыпались, заливались разными голосами скворцы, хрипели, насвистывали то соловьем, то жаворонком, то какими-то африканскими птицами, которых они наслушались за зиму за морем. Сереньким платочком сквозь прозрачные березы пролетел дятел, садясь на ствол, обернулся.

И вот в воскресенье, в солнечное утро, на еще не просохших от росы деревьях у пруда закуковала кукушка.

Весь сад слушал молча кукушку. Божьи коровки, птицы, всегда всем удивленные лягушки, сидевшие на животе кто на дорожке, кто на ступенях балкона, — все загадали судьбу. "Кукушка откуковала, и еще веселее засвистал весь сад, зашумел листьями. (По А. Толстому) (150)

Встреча с Асей

Через низкие ворота города мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил ее и повел нас в гору. С обеих сторон, на уступах, рос виноград, солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зеленых лозах, на сухой земле и на белой стене небольшого домика, стоявшего на самом верху горы.

Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу. Ее черные волосы, остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками. Сначала она дичилась меня, но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ежиться! Он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Ни одно мгновение она не сидела смирно: вставала, убегала и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась. Иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен.

День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь. (По И. Тургеневу) (153)

Деревянной тропой

От места, где мы стояли, уходила в болота тропа из брошенных прямо в топь толстых досок и стесанных бревен, узкая, как раз только чтобы пройти одному. В начале тропы было брошено несколько палок, и мы выбрали себе палки по росту и по весу.

Сначала идти нам показалось легко, и палки вроде бы не нужны, но это обманчивое впечатление длилось недолго. Человек не замечает, когда идет, как его слегка поводит

по сторонам — полшага вправо, полшага влево. А тут идти нужно было ровно, как по струне, и скоро поняли мы предназначение палок. Скоро заболели у нас сперва шеи, потом уж все тело, а присесть было некуда и Остановиться нельзя: проводник наш все удалялся, сумеречно маяча на серо-коричневом фоне бесконечных болот.

Доски колыхались под ногами, медленные волны расходились в стороны, и все чаще среди красноватой торфяной жижи попадались окна мертвой воды.

Мне стало нехорошо одному, и я остановился, поджидая приятеля. Очень хотелось выйти на твердую землю. (По Ю. Казакову) (153)

Для чего нужны флаги?

Во все времена в разных странах существовали определенные знаки и символы, с помощью которых люди общались друг с другом, показывали, к какому племени они принадлежат.

Один из таких знаков — флаг. С давних времен и до наших дней он считается символом независимого государства или народа. Недаром подъем государственного флага — первая торжественная церемония после провозглашения нового государства.

Флаг всегда символизировал национальную честь. Когда начиналась война, мужчины становились под знамена и приносили присягу на верность своей стране. Быть знаменосцем в бою считалось очень почетным, а захватить вражеское знамя — значит совершить настоящий подвиг. А если знамя оказывалось в руках противника, позор ложился на все войско.

Государственному флагу, как святыне, отдаются высшие государственные почести.

Достоинство его защищается внутри страны и за ее пределами, его оскорбление рассматривается как оскорбление чести государства и нации.

История современных знамен и флагов уходит корнями в глубь истории. Как полагают ученые, она началась более тридцати тысяч лет назад с наскальных изображений животных. (Из энциклопедии «Что есть что») (151)

В пути

Тележка, звякая бубенчиками, медленно двигалась по глиняной дороге, переваливаясь с боку на бок, наклоняясь то над рекой, то над обрывом.

Когда солнце село и из лощины потянуло влажным холодом, мы подъехали к деревне, серевшей соломенными крышами. Мы въехали в узкую, уже потемневшую улицу, заросшую вётлами.

Заря догорала. Легкие тучки освещались сверху странным полусветом надвигавшейся белой ночи. Когда мы двинулись дальше, заря совсем погасла. Была белая ночь, облачная и тихая. В прозрачно-сумрачном воздухе, обгоняя друг друга, неслись вдали белые пушинки ив и осин. Отдохнувшие лошади бойко бежали по дороге. Светло-желтый песок весело шуршал под колесами.

Отовсюду плыла такая масса звуков, что, казалось, им было тесно в воздухе. В лесу, перебивая друг друга, пели соловьи. Все жило вольно и без удержу, с непоколебимым

сознанием законности и правоты своего существования. Меня охватила эта бившая через край жизнь. Жить широкой, полной жизнью, не бояться ее — вот та великая тайна, которую так радостно и властно раскрывала природа.

Дух Олимпиады

Дух Олимпиады — дух равенства и дружбы. Его прекрасно выражают главные олимпийские церемонии: торжественное открытие Олимпийских игр, парад спортсменов. Олимпийская хартия точно определяет порядок шествия.

Первыми всегда идут спортсмены Греции. Это на их земле родилась традиция Олимпиад, на их земле вспыхивает олимпийский огонь. Они идут впереди, по праву занимая почетное место. За ними движутся спортивные делегации других стран. Они представляют государства большие и малые, включают именитых спортсменов и новичков. Различен цвет кожи олимпийцев, различны их одежды. Одни делегации многочисленны, в других — лишь несколько человек, но церемония утверждает их равенство, требует равного к ним уважения, и делегации идут в строгом алфавитном порядке: таков этикет Олимпиады.

Заканчивает парад колонна спортсменов страны — организатора игр. Прекрасный знак доброжелательного отношения к гостям! Кому, как не хозяевам, замыкать шествие? Разве в своих домах не пропускаем мы гостей впереди себя? Кроме того, положение хозяев Олимпиады уже само по себе — большая честь.

Единица

Я зашел в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом поглядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошел домой, но, когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад, но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, еще более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду, так рассердился, что бросил дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. Кроме единицы по русскому языку, он вывел мне двойку по поведению.

За вышиванием

Дом стоял на берегу Суры на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета. Кругом двора и вдоль по берегу построены дымные избы, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим. По ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи, и еще далее — лесистые холмы с чернеющими елями. Слева низкий берег, усыпанный кустарником, тянется гладкою покатостью, а далеко-далеко, как волны, синеют холмы.

Вечернее солнце изредка играло на тесовой крыше и в стеклах золотыми переливами, и раскрашенные резные ставни, колеблемые ветром, стучали и скрипели, качаясь на заржавленных петлях. Вокруг старинного дома обходит деревянная галерейка, служащая вместо балкона. Здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое вышивание и наблюдала странствующие барки с белыми парусами и разноцветными флюгерами. Там люди вольны и счастливы! Какая занимательная, полная жизнь! Не правда ли?

Песни крестьян, идущих с сенокоса, отдаленный колокольчик зачастую развлекали внимание девушки. Кто едет? Не все ли равно, и все-таки хочется узнать.

Запасливый бурундучок

Наконец-то закончились дожди и установилась сухая ясная погода. Это было кстати, и бурундучок выбежал из норы к поваленному бурей дереву и стал раскладывать на нем свои запасы, чтобы пообсушивались на солнышке, пообветривались, чтобы не заплесневели, не испортились за долгую зиму. И не только орешки надо просушить, есть еще в кладовой и грибы, и ягоды, и разные зерна. Много уже запасено. И теперь бурундуку зима с ее морозами и метелями не страшна. Спи себе, а проснешься — поешь, чего захочешь, и снова спи. До самой весны хватит.

В тайге было светло и тихо. Неслышно осыпалась последняя листва с берез и осин. Лиственницы уже давно оголились, и лес от этого казался еще светлее и прозрачнее. По высокому холодному небу улетали в теплые края гуси, утки, журавли. Летели стаями, клиньями, косяками, протяжно крича.

Приближалась зима. По утрам на вершинах сопок выпадал снег. Поэтому все спешили запастись кормом, чтобы не голодать в длинные зимние месяцы.

□

Лесная поляна

Лесная поляна. Вышел я, стал под березкой, огляделся. Что же тут делается! Елки, одна к другой, так сильно густели и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже елки и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так кругом всей поляны стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками. Это было все наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мхом. На эти взрытые кротами холмики падало семя, и вырастали березки, а под березкой, под ее материнской защитой от мороза и солнца вырастала тенелюбивая елочка. И так высокие ели, не смея открыто сами высылать своих малышей на полянку, высылали их под покровом березок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастет одними елками, а березы-покровительницы зачахнут в их тени.

Кукла

Марусе опять стало хуже. На все наши попытки развеселить ее она смотрела своими большими и неподвижными глазами равнодушно. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне.

У нее была большая кукла с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами. Это был подарок нашей покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды.

Я отозвал сестру в боковую аллею сада и попросил дать мне куклу на время. Я так живо описал ей бедную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня отдала мне куклу и обещала в течение нескольких дней играть с другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и временами даже бегала.

Зато мне кукла доставила много тревожных минут. Дня через два няня заметила пропажу и стала везде разыскивать куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными уверениями, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумение и возбуждала подозрение.

Через некоторое время Маруся опять слегла. Ей стало еще хуже: лицо ее горело странным румянцем, она уже никого не узнавала. Кукла лежала рядом с ней.

Я решил, что куклу можно унести обратно, потому что Маруся этого уже не заметит. Но это было ошибкой! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза. В ее исхудалом личике мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить мою маленькую подругу первой и последней радости ее недолгой жизни.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, смотрел на меня вопросительным взглядом. Я постарался придать себе беспечный вид и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уж забыла.

Но нянька не забыла. Через четыре дня меня позвали в кабинет к отцу. Я робко вошел. Отец неподвижно сидел в своем кресле перед портретом матери. Я слышал тревожный стук собственного сердца. Наконец он повернулся. Лицо отца показалось мне страшным.

— Ты взял у сестры куклу?

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ли ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней? Ты украл ее?

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл ее и снес! Кому ты снес ее? Говори!

Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съежился.

— Не скажу! Никогда не скажу вам. Ни за что!

Я знал, что отец страшно вспылчив, что в эту минуту в его груди кипит бешенство. Что он со мной сделает? В эту критическую минуту вдруг за открытым окном раздался резкий голос Тыбурция:

— Пан судья! Вы человек справедливый. Он не сделал дурного дела. Вот кукла.

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу. В лице отца отразилось изумление.

— Что это значит? — спросил он.

— Я охотно расскажу вам все, что вы желаете знать. Выйдите, пан судья.

Я все еще стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я почувствовал что-то на своей голове и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций в присутствии отца сказал:

— Приходи к нам, отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой. Она умерла.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но именно в этом человеке я нашел что-то родное, чего тщетно искал в нем прежде. Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл. Соня сама дала мне на время.

— Да, я знаю. Я виноват перед тобою, мальчик, постарайся когда-нибудь простить меня.

— Ты отпустишь меня на гору?

Отец молча кивнул головой. В глазах его светилась задумчивость и тихая нежность.
(591 слово)

По В. Короленко

Леонардо да Винчи

По свидетельству современников, Леонардо да Винчи был хорош собой, пропорционально сложен, изящен. До середины груди ниспадала прекрасная борода, вьющаяся и хорошо расчесанная. Он был обворожителен в беседе и привлекал человеческие сердца.

Известно также, что он постоянно рисовал и записывал. До нас дошло около семи тысяч страниц, покрытых записями или рисунками Леонардо. Изучение этого колоссального наследия началось только в XIX веке.

Один из первых исследователей рукописных сокровищ отмечал в изумлении: «Здесь есть все: физика, математика, астрономия, история, философия, новеллы, механика. Но написано навыворот. Я не раз тратил целое утро, чтобы понять две-три странички».

Дело в том, что Леонардо писал справа налево, так что читать его труды нужно в зеркале. По одним сведениям, он был левшой, по другим — одинаково владел обеими руками. Как бы то ни было, это еще более углубляет ореол таинственности, которым

отмечено его творчество.

Писал он не по-латыни, как прославленные гуманисты, его современники, а живым, сочным итальянским языком.

Лиса

Как-то раз старый лесник принес домой лисенка. Внучата очень обрадовались зверьку. Дедушка посадил его в большой

ящик, а дети поставили ему блюдечко с молоком и положили кусочек мяса. Но лисенок есть ничего не стал. Он прижался в уголке ящика и испуганно смотрел на ребят.

Вечером, когда все легли спать, лисенок начал царапаться и тявкать. Он так шумел, что никому не давал спать. Наконец дед не вытерпел и вынес ящик с лисенком в сарай.

Утром ребята побежали в сарай проведать лисенка. Открыли дверь, глядят: с ящика сброшена крышка и лисенка нет. Стали искать его по сараю. Видят, что в самом углу, под стеной, широкая нора прорыта. Прямо во двор выходит.

Жалко стало ребятам, что лисенок убежал. Куда он такой маленький денется? Пропадет, пожалуй, в лесу.

Пришел дедушка, посмотрел нору, головой покачал и говорит:

— Нет, ребята. Это не лисенок ход прокопал. Это мать-лиса за ним приходила. Услыхала, как он твякает, пришла, подкопалась и унесла лисенка.

Медведь

Раз я путешествовал с группой молодых ученых зоопарка в Сибири, по реке Кан. Охотники нас предупредили о свирепом нраве местных медведей. Вскоре мне пришлось убедиться в этом.

Ночью я пробирался по тайге к своему лагерю. И вдруг услышал хруст кустарника. За мной шел огромный медведь. Стрелять ночью в темной тайге было невозможно, так как в двух шагах ничего не было видно. Я бросился бежать.

Глухая тайга подходила к самому обрыву реки. Медведь бежал за мной по валежнику. Я сорвался с крутояра и пролетел около десятка метров по воздуху. Не разбился только потому, что по пути цеплялся за кусты и этим задерживал стремительное падение. Когда я добрался до нашего лагеря, ребята уже поджидали меня с ужином.

Через несколько минут в лагерь следом за мной пожаловал и медведь. Очевидно, он спустился к реке по знакомой ему тропинке. Близко к костру он не подошел и давал о себе знать за несколько десятков шагов треском сухого валежника.

Мост и человек

Сербский писатель Иво Андрич сказал некогда о мостах: «Они важнее, чем дома, потому что сильнее объединяют. Они принадлежат всем и всем в равной мере приносят пользу. Они возводятся именно в тех местах, где сходится множество человеческих потребностей. Они долговечнее других строений и никогда не служат какой-то злой цели».

Многие тысячелетия назад люди заметили, что проще перейти ручей по стволу упавшего дерева, соединившего противоположные берега. Позже стали специально срубать деревья для укладки примитивных мостов. Их делали из распиленных бревен или из больших плоских камней, брошенных в воду. Это были предшественники современных мостов из железобетона, которые то перекидывают скоростные автодороги через глубокие долины, то элегантно парят над реками в виде висячих мостов.

Мост через реку сближает противоположные берега и живущих на них людей. Этот символ единения глубоко укоренился в сознании и языке. Мы говорим «наводить мосты», имея в виду наладить отношения, подружиться, или, наоборот, «сжечь за собой мосты», то есть исключить любую возможность изменить решение.

На арене цирка

Человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

— Сейчас ваш выход.

Хозяин достал из-под стола небольшой чемодан, затем сунул туда кота и собаку. Стало темно. Каштанка топталась по коту, царапала стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал.

— А вот и я! — громко крикнул хозяин.

Собачка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твердое и перестал качаться. Послышался странный звук: кто-то хлопал и хохотал так громко, что у чемодана задрожали замочки.

Потом что-то щелкнуло, крышка чемодана открылась, и яркий свет ударил Каштанке в глаза. Она выпрыгнула из чемодана и, оглушенная гулом и хохотом, быстро забегала вокруг своего хозяина и залилась звонким лаем.

— Дорогой дядюшка! Дорогая тетушка! Милые родственники, как я рад! — закричал хозяин.

Он упал животом на арену, схватил кота и собаку и принялся обнимать их. Каштанка, пока хозяин тискал ее в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла ее судьба. Она была поражена его грандиозностью и на минуту застыла от удивления и восторга. Потом она вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления закружилась на одном месте волчком. Новый мир был велик и полон яркого света. Куда ни взглянешь, от пола до потолка видны были одни только лица, лица, лица...

— Тетушка, прошу вас сесть! — скомандовал хозяин.

Помня, что это значит, собачка вскочила на стул и села. Она

посмотрела на хозяина. Глаза его глядели серьезно и ласково, но на лице была нарисована широкая неподвижная улыбка. Сам он хохотал, прыгал и делал вид, что ему очень весело в присутствии множества людей. Каштанка поверила его веселости, подняла вверх свою мордочку и радостно залаяла.

— Сейчас мы с дядюшкой будем плясать, — объявил хозяин публике.

Кот в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небреж-

но и угрюмо. По его движениям, по хвосту и по усам было видно, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя. После танца он зевнул и сел.

— Тетушка, — сказал хозяин, — а теперь мы с вами споем.

Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Собачка, не вынося

музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завывала. Со всех сторон слышались аплодисменты и хохот. Во время исполнения одной очень высокой ноты наверху среди публики кто-то громко ахнул.

— Папка, а ведь это наша Каштанка! — крикнул детский голос.

— Каштанка и есть! — подтвердил мужской голос.

Кто-то свистнул, и два голоса громко позвали:

— Каштанка! Каштанка!

Собачка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Она вспомнила эти два лица, прыгнула со стула, перескочила через барьер, потом через чье-то плечо и очутилась в ложе. Чтобы попасть на следующий ярус, нужно было перескочить высокую стенку. Каштанка не смогла допрыгнуть и сползла назад по стене. Ее подняли, а потом она переходила с рук на руки, лизала чьи-то лица, поднималась все выше и выше и наконец попала на галерку.

Спустя полчаса собачка весело бежала за Лукой Александровичем и Федюшкой. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она никогда не терялась. (492 слова)

По А. Чехову

На Волге

Быстро несется вниз по течению красивый и сильный пароход «Ермак», и по оба бока его медленно движутся навстречу ему берега могучей красавицы Волги.

То тут, то там виднеются селения. Солнце сверкает на стеклах в окнах изб и на желтых соломенных крышах. Толпы ребятишек в синих, красных и белых рубашках, стоя на

берегу, провожают громкими криками пароход, и из-под колес его к ногам детей бегут веселые волны и плещут на берег. Вот целая куча ребят уселась в лодку, они спешно гребут на середину реки, чтобы покачаться на волнах, как в зыбке. Откуда-то с берега доносится заунывная песня грузчиков.

Пароход обгоняет плоты, заплескивая их волной. Бревна ходуном ходят под ударами набежавших волн, плотовщики в синих рубахах, пошатываясь на ногах, смотрят на пароход, смеются и что-то кричат.

Всюду блеск воды, всюду простор и свобода. А берега все идут навстречу, и все новые картины открываются на них.

На побережье

Это было самое теплое место в Крыму. На морских побережьях меня поражала резкая смена холода и тепла на расстоянии

каких-нибудь десяти километров. Горные хребты пересекали приморскую страну.

Я впервые увидел Кара-Даг. Величие этого зрелища могло сравниться только со зрелищем Сахары, неизмеримых рек, беснующихся океанов и громадных водопадов.

Море не набегало волнами на каменные стены, а вспухало и медленно подымалось вверх, заливая с гулом пещеры. Потом оно так же медленно уходило, как бы падало в пропасть. Вода выливалась шумными пенистыми водопадами из пещер, выносила в водоворотах водоросли и высасывала острый воздух подземелий, уходивших под многие миллиарды тонн окаменелой магмы.

Я впервые ощутил головокружение не от взгляда вниз, а от взгляда вверх. Головокружение носилось, как испуганная птица.

Всюду, куда бы мы ни смотрели, оно подстерегало нас, и мы потеряли черту горизонта. Вся местность вокруг была полна дикости и величия.

Мы отъехали на шлюпке к скалам, кое-как привязались к одной из них и занялись рыбной ловлей.

На побережье

Это было самое теплое место в Крыму. На морских побережьях меня поражала резкая смена холода и тепла на расстоянии каких-нибудь десяти километров. Горные хребты пересекали приморскую страну.

Я впервые увидел Кара-Даг. Величие этого зрелища могло сравниться только со зрелищем Сахары, неизмеримых рек, беснующихся океанов и громадных водопадов.

Море не набегало волнами на каменные стены, а вспухало и медленно подымалось вверх, заливая с гулом пещеры. Потом оно так же медленно уходило, как бы падало в пропасть. Вода выливалась шумными пенистыми водопадами из пещер, выносила в водоворотах водоросли и высасывала острый воздух подземелий, уходивших под многие миллиарды тонн окаменелой магмы.

Я впервые ощутил головокружение не от взгляда вниз, а от взгляда вверх. Головокружение носилось, как испуганная птица. Всюду, куда бы мы ни смотрели, оно подстерегало нас, и мы потеряли черту горизонта. Вся местность вокруг была полна дикости и величия.

Мы отъехали на шлюпке к скалам, кое-как привязались к одной из них и занялись рыбной ловлей.

На подводной лодке

Равномерное движение лодки было нарушено, направление утеряно. Остаться под водой невозможно, появиться на поверхности — значит подвергнуться обстрелу. И все же это был единственный выход. Командир скомандовал медленный подъем и вернулся к иллюминатору. Вдруг навстречу стал опускаться темный шар, слева приблизился еще один и почти коснулся стальной обшивки. Лодка заблудилась в минных заграждениях.

Как впоследствии выяснилось, она была замечена неприятелем, когда стремилась выбиться на поверхность. Самолет выследил ее и, кружась над тем местом, телеграфировал сторожевым судам. Лодка, описав круг, снова опустилась на глубину.

Теперь она шла вслепую. Моторы были пущены во всю силу. Сотни бесов, именуемых лошадиными силами, бились, бешено вращая рычаги поршней. Полуголые механики трогали раскаленные части машин. В свинцовых резервуарах оставалось кислороду всего на час.

В погребах, каютах, проходах — всюду стояли матросы. По команде лодка понеслась наверх. Подъем продолжался четыре с половиной минуты. Матросы поползли к люку, отвинтили его — и полился соленый воздух, раздирая грудь, туманя голову. Зашумели

вентиляторы и насосы.

Наследие ученого

Даже близкие Любищева не подозревали величины наследия, оставленного им: всего им написано более пятисот листов исследований. Это двенадцать тысяч страниц машинописного текста. Даже для профессионального писателя цифра колоссальная. Для меня подобная продуктивность всегда была загадочной. При этом казалось необъяснимым, но естественным, что в старину люди писали больше.

Наследие Любищева состоит из нескольких разделов: систематика, история науки, генетика, защита растений, философия, зоология, теория эволюции. Кроме того, он писал воспоминания об ученых, о Пермском университете. Работы его переведены и широко известны за границей.

Он читал лекции, заведовал кафедрой, ездил в экспедиции. Любищев умудрился работать вширь и вглубь, быть узким специалистом и универсалом. Диапазон его знаний трудно определить. Заходила речь об английской монархии — он мог привести подробности царствования любого короля; говорили о религии — выяснялось, что он хорошо знает Коран. Это не было ни всезнайством, ни феноменом памяти.

Я не собираюсь популярно рассказывать о его идеях. Мне интересно иное: каким образом наш современник успел так много сделать?

Находчивый медведь

Наутро мы подымались на гору, сплошь покрытую осыпями. Обломки так плотно уложены, что по ним можно свободно идти, как по лестнице. Движение же по осыпям, покрытым мхом, затруднительно: то ставишь ногу на ребро, то попадаешь в щели.

Я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на визг, не то на ворчание. Дерсу прислушался и сказал: «Медведь».

Мы встали и пошли вперед. Вскоре увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около липы. Дерево росло вплотную к скале. Я сразу понял: медведь добывал мед. Вокруг вились пчелы и жалили его. Медведь тер морду лапами, валялся по земле и затем снова принимался за ту же работу..

Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, что-то, по-видимому, соображая. Затем подбежал к липе, взобрался наверх, протиснулся между скалой и деревом и, упершись лапами в камни, начал давить спиной дерево. Липа затрещала и рухнула.

□

Начало весны

В конце апреля как-то словно в один момент схлынули снега, взломав ручьи и речонки. Тотчас от нашего строительного коллектива была выделена бригада рыбаков в три человека, и наш казенный рацион богато пополнился рыбой. Мы наслаждались превосходной ухой, ели жареную, вареную, печеную рыбу, а когда наступило лето, ее стали вялить и коптить. Бывалые таежники устроили коптильню, и каждый желающий мог приготовить себе запас копченых карасей.

Затем прошли бурные весенние воды. Дремуче и одуряюще разлилась по протокам и низинам, часто переходя в сплошные заросли, черемуха. Ринулись в рост и зацвели гигантские камчатские травы. Появились неисчислимые полчища комаров. Цвели ягодники: голубика, жимолость, брусника, малина, рябина, пробрызнула на солнечных полянах земляника. Ходко двинулась чуть ли не из-под снега вездесущая черемша, запасаемая нашими корейцами на зиму в невероятных количествах и в сушеном, и в соленом виде (потом от них всю зиму тягуче несло черемшой), а затем бледными крупными огоньками запестрел вечнозеленый камчатский лавр.

Неповторимость картин Куинджи

Если у человека есть жгучая потребность запечатлеть красками на холсте всю неповторимость родной земли, быть такому человеку художником. Архип Иванович Куинджи родился в семье, корни которой происходят из Греции. Мальчик рано потерял родителей и воспитывался у родных. Когда подрос, поступил на службу ретушером — исправлять фотографии. У Куинджи было особо чувствительное зрение, о котором современники слагали легенды. Его картины наполнены воздухом, тонкими переливами различных цветовых оттенков и искусной игрой полутонов. Привычные для нас виды родного края превращались под кистью художника в необыкновенные, завораживающие взгляд пейзажи. В картине «Днепр утром» создается впечатление, что солнце вот-вот взойдет. Экспериментируя с красками, художник добился необыкновенного эффекта. Мы будто ощущаем насыщенный влагой воздух, становимся свидетелями начала нарождающегося дня. На наших глазах пробуждается река. Она еще скрыта в утреннем тумане, когда первые лучи солнца едва коснулись земли.

Ноздрев

Таких людей, как Ноздрев, всякому приходилось встречать немало. Они называются

разбитными малыми, считаются еще в детстве и в школе хорошими товарищами, но при этом бывают весьма больно поколачиваемы.

В их лицах есть что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся: не успеешь оглянуться, как они уже говорят тебе «ты». Кажется, что дружбу заведут навек, но почти всегда так случается, что подружившийся подерется с ними в тот же вечер на дружеской пирушке.

Ноздрев в тридцать пять лет был таким же, каким был в восемнадцать и двадцать: он любил погулять. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков километров, где была ярмарка со всякими приемами и балами. Ноздрев в мгновение ока был там, азартно спорил и заводил сумятицу за карточным столом, потому что имел страсть к картам. Играл он не совсем честно, и часто все оканчивалось тем, что Ноздрева били или же задавали трепку его густым и очень красивым бакенбардам. Иногда он возвращался домой только с одной бакенбардой, при этом довольно редкой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были устроены, что бакенбарды скоро вырастали вновь и были даже лучше прежних. Станным было то, что через некоторое время Ноздрев как ни в чем не бывало опять встречался с теми приятелями, которые его поколотили, и ни одним словом не напоминал о произошедшем.

Ноздрев был в некотором отношении человек исторический. Ни на одном приеме, где он присутствовал, не обходилось без истории. Что-нибудь непременно происходило: или выведут его под руки из зала жандармы, или вытолкают свои же приятели. Если же этого не случится, то Ноздрев мог наврать и нагородить такой чепухи, что самому делалось совестно. Например, вдруг скажет, что у него есть лошадь с какой-нибудь голубой или розовой шерстью, или придумает еще что-нибудь.

Есть люди, имеющие страсть навредить ближнему без всякой причины. Эту странность имел и Ноздрев. Тому, кто ближе с ним сходил, он скорее всех начинал вредить. Ноздрев распускал небылицы, глупее которых трудно выдумать, расстраивал свадьбу, торговую сделку или вовсе считал вас своим врагом. Но если вы случайно встречались с ним, то Ноздрев обходился с вами вновь по-дружески и даже спрашивал: «Почему никогда ко мне не заедешь?»

Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек. В первые минуты

знакомства он предлагал вам ехать куда угодно, организовать любое коммерческое предприятие, менять все на все. Ружье, собака, лошадь — все было предметом обмена. Но предлагал он это не для личной выгоды, а просто от какой-то неугомонности характера.

Если на ярмарке Ноздреву посчастливилось обыграть какого-нибудь простака в карты, он закупал кучу всего, что первым попадалось ему в лавках на глаза. Хомуты, платки, лошадей, изюм, серебряный рукомойник, голландскую ткань, муку, табак, пистолеты, селедку, картины, точильный инструмент, сапоги, посуду покупал Ноздрев, пока у него хватало денег. Однако редко случалось, чтобы все покупки были довезены до дому. Почти в тот же день закупленное спускалось другому игроку. Иногда к этому даже прибавлялась собственная трубка, а в другой раз коляска с кучером и лошадьми. После этого сам он отправлялся искать какого-нибудь приятеля, чтобы воспользоваться его экипажем.

Вот каким человеком был Ноздрев! (495 слов)

Ночной дождь

Поздно ночью пошел сильный дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли солидно и звонко падают в бочку, стоявшую под самым окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить густыми потоками.

Под такой дождь очень приятно спать, он действует убаюкивающе даже на людей, страдающих бессонницей, а Волька никогда не жаловался на бессонницу.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то несколько раз осторожно тронул за плечо нашего крепко спавшего героя. Но Волька не проснулся, даже не пошевелился. И

тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал и, шаркая туфлями, направился в глубь комнаты, где на высокой тумбочке поблескивал Воль-кип аквариум с золотыми рыбками. Раздался еле слышный всплеск, и снова в комнате воцарилась сонная тишина.

О Наполеоне

Редко какое чтение так увлекательно, как чтение о Наполеоне. Читать о Наполеоне, по всей вероятности, приятно по той причине, что от этого чтения рождается ощущение бессмертия. Эта победа молодости вызывает представление о нескончаемой протяженности в будущее. Чем так привлекательна судьба Наполеона? Она есть не что иное, как символ человеческой жизни с ее молодостью, устремлением в будущее и концом, устремленным куда-то в закат, в даль острова Святой Елены.

Наполеона обычно изображают белолицым. Ипполит Тэн в книге «Наполеон» (она у нас мало известна) говорит, что этот род был в прошлом, по всей вероятности, сарацинским. Наполеон представляется Тэну сарацином. У него было темное лицо, и, только творя легенду, его делали белым.

В одном салоне, будучи молодым генералом, Наполеон разыгрывал какие-то импровизации, изображая черта, строя гримасы, сверкая зубами. Свидетельница, в чьих воспоминаниях описана эта сцена, сообщает, что ему очень удавались эти импровизации, поскольку со своим темным лицом и белыми зубами он как раз походил на черта.

Обломов

Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет безопасности. С лица безопасность переходила в позы всего тела.

Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки. Но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души. Душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго вглядываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой.

Орлиное гнездо

Однажды я с горы стал разглядывать скалу снизу. Я скоро заметил, что у самого моря, на высокой скале, покрытой любимой оленями травой, паслась самка оленя и возле нее в тени лежал какой-то желтенький кружок. Разглядывая в бинокль, я скоро уверился, что кружком в тени лежал молоденький олененок.

Вдруг там, где прибой швыряет свои белые фонтаны, стараясь как будто попасть ими в недоступные ему темно-зеленые сосны, поднялся большой орел, взвился высоко, выглядел олененка и бросился. Но мать услышала шум падающей громадной птицы, быстро схватилась и встретила врага. Она встала на задние ноги против детеныша и передними копытцами старалась попасть в орла. Он, обозленный неожиданным препятствием, стал наступать, пока одно острое копытце не попало в него. Смятый орел с трудом поднялся в воздух и полетел обратно в сосны, где у него было гнездо.

Подвиг князя Андрея

Туман начал расходиться, и на противоположной возвышенности уже виднелись неприятельские войска. Все лица вдруг изменились, и на них отразился ужас. Предполагалось, что французы должны были быть в нескольких верстах, а они появились неожиданно здесь.

Князь Андрей увидал внизу направо поднимающуюся колонну французов. Она находилась не дальше пятисот шагов от того места, где стоял Кутузов. «Вот она, решительная минута! Дошло до меня дело», — подумал князь Андрей. Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Братцы, бежим!»

Смешанные, все увеличивающиеся толпы солдат побежали назад. Было не только трудно остановить эту толпу, но было невозможно самому не побежать назад вместе с толпой.

Болконский старался не отставать от нее, недоуменно оглядываясь и не понимая того, что делалось перед ним. Через какое-то время князь Андрей смог добраться до Кутузова, у которого по щеке текла кровь.

— Вы ранены? — спросил он.

— Раны не здесь, а вот где! — сказал Кутузов, прижимая платок к щеке и указывая на бегущих.

С величайшим усилием выбравшись из потока убегающих людей, Кутузов со свитой, уменьшившейся вдвое, поехал на звуки выстрелов русских орудий. Князь Андрей старался не отставать от Кутузова.

На спуске горы в дыму стояла еще стрелявшая русская батарея. Ее атаковали французы. Увидав Кутузова, они выстрелили по нему — полковой командир схватился за ногу, упало несколько солдат, подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук. Знамя зашаталось и упало.

Кутузов с выражением отчаяния оглянулся и попытался что-то сказать, но князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

— Ребята, вперед! — крикнул пронзительно Болконский, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, направленных, очевидно, именно против него. Несколько солдат упало. Едва удерживая в руках тяжелое знамя, князь Андрей бежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, вначале тронулся один солдат, потом другой, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперед и обогнал его.

Князь Андрей со знаменем бежал с батальоном. Он слышал над собою непрекращающийся свист пуль, справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них, он вглядывался только в то, что происходило впереди него.

Вдруг Болконский почувствовал, что его как бы со всего размаха ударили крепкой палкой по голове. Было немного больно, а главное, неприятно, потому что эта боль отвлекала его и мешала смотреть вперед.

«Что это? Я падаю?» — подумал он и упал на спину. Князь Андрей раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с русскими, но над ним не было ничего, кроме высокого неба с тихо ползущими по нему серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как мы бежали, кричали и дрались. Как же я не видал его прежде? Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. И как я счастлив, что узнал его наконец». (463 слова)

Поздняя осень

День ясный, прозрачный, слегка морозный, один из тех осенних дней, в которые охотно миришься и с холодом, и с сыростью, и с тяжелыми калашами. Воздух прозрачен до того, что виден клюв у галки, сидящей на самой высокой колокольне. Он весь пропитан запахом осени. Выйдите вы на улицу, и ваши щеки покроются здоровым, широким румянцем, напоминающим хорошее крымское яблоко. Давно опавшие желтые листья, терпеливо ожидающие первого снега и попираемые ногами, золотятся на солнце, испуская из себя лучи, как червонцы. Природа засыпает тихо, смиренно. Ни ветра, ни звука. Она, неподвижная и немая, точно утомленная за весну и лето, нежится под греющими, ласкающими лучами солнца, и, глядя на этот начинающийся покой, вам самим хочется успокоиться. Таков был тот день, когда Маруся и Егорушка сидели у окна. Свет, греющий, ласкающий, бил в окна. Он играл на коврах, стульях, рояле. Все было залито этим чудесным светом.

Путешествие льдины

Через речку была дорога, по которой зимой люди ездили на санях. Но пришла весна, и лед на речке лопнул. Кусок дороги, качаясь, поплыл вниз по течению.

Это была большая льдина.

С берегов слетались на льдину птички-трясогузки, ловили над ней мушек. Раз около льдины вынырнул безглазый черный зверек и вылез на нее. Это был крот. Когда вода затопила луг, ему нечем стало дышать под землей. Он и всплыл наверх. Но вот льдина задела одним своим краем сухой холмик. Крот соскочил на него и живо зарылся в

землю.

А льдину все гнало дальше и дальше и пригнало в лес. Она наехала на пень и застряла. Тут на ней собралась целая компания пострадавших от наводнения. Тут были и лесные мыши, и маленький зайка. Беда была общая, и всем одинаково грозила гибель. Зверюшки дрожали от страха и холода и жались друг к другу.

Но вода стала быстро спадать. Зверюшки попрыгали на землю и разбежались.

Символ человечности

Самый общий принцип применения знаков этикета — это вежливость, доброжелательность. Поэтому, пожалуй, ничто в человеческом поведении не сочетается с ними так часто, как доброжелательная улыбка.

Не надо думать, что улыбка — совершенно естественное, биологическое проявление чувств. Люди, относящиеся к разным культурам, улыбаются по-разному и неодинаково пользуются улыбками. Так, у японцев улыбка не зависит от темы беседы. Она выражает согласие с партнером и общую доброжелательность, поэтому беседующие, как правило, улыбаются, хотя могут говорить о вещах отнюдь не веселых. Известно, что среди американцев доброжелательной принято считать лишь широкую, лучистую улыбку, а приветливая улыбка европейца может быть и менее яркой.

Однако при всех различиях улыбка — одно из главных выражений человеческого контакта, доброжелательности, участия. Это то, чего мы более всего ищем в лице собеседника.

«Самое важное чаще всего невесомо, — писал Сент-Экзюпери. — Часто улыбка и есть

главное. Улыбкой благодарят. Улыбкой вознаграждают. Улыбкой дарят тебе жизнь». Добрая улыбка становится у Сент-Экзюпери символом человечности и согласия.

Троекуров и Дубровский

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил Кирилл Петрович Троекуров. Богатство, знатный род и связи придавали ему большой вес в губернии, где находилось его имение. Соседи были рады угождать его малейшим прихотям, губернские чиновники трепетали при его имени. Кирилл Петрович принимал эти знаки подобострастия как надлежащую дань.

Дом Троекурова всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность и разделять шумные, а иногда и буйные увеселения. Никто не мог отказаться от его приглашения и в определенные дни не явиться с должным почтением в село Покровское.

В домашнем быту Кирилл Петрович обнаруживал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только его окружало, он привык давать полную волю всем порывам своего капризного нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно. Несмотря на это, люди были ему преданы: они гордились богатством и славою своего господина и, подражая хозяину, позволяли себе многое в отношении к своим соседям, надеясь на покровительство барина.

Обычные занятия Троекурова состояли в разъездах по своим обширным владениям, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно им изобретаемых. Жертвою этих проказ обыкновенно бывал какой-нибудь новый знакомый, хотя и старинные приятели Троекурова не всегда их избегали.

Исключением был Андрей Гаврилович Дубровский, отставной поручик гвардии. Он был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный даже по отношению к людям самого высокого звания, уважал Дубровского, несмотря на его незначительное состояние. Некогда они были товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность Дубровского.

Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием вынужден был выйти в отставку и поселиться в своей деревне. Кирилл Петрович, узнав об этом, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский поблагодарил его и остался беден и независим.

Когда Троекуров, отставной генерал, вернулся в свое поместье, они встретились и возобновили дружбу. С тех пор оба каждый день бывали вместе, и Кирилл Петрович, отроду не удостоивший никого своим посещением, часто заезжал в домишко своего старого товарища.

Будучи ровесниками, принадлежащие к одному сословию, воспитанные одинаково, они в какой-то мере были схожи и в характерах. В некотором отношении и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих осталось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирилла Петровича росла на глазах родителя. Троекуров часто говорил Дубровскому: «Если в твоём Володьке будет толк, так отдам за него Машу и не посмотрю, что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал: «Нет, Кирилл Петрович, мой Володька не жених Марии Кирилловне. Бедному дворянину лучше жениться на бедной дворянке и быть главою в доме, чем сделаться приказчиком при избалованной женщине».

Все завидовали согласию, царившему между надменным Троекуровым и его бедным соседом, и удивлялись смелости последнего, когда он за столом у Кирилла Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнению хозяина. Некоторые пытались подражать Дубровскому и выйти за пределы должного повиновения, но Кирилл Петрович так их пугнул, что навсегда отбил охоту к таким поступкам. Дубровский один остался вне общего закона. (488 слов)

У моря

Море гудело грозно, выделяясь из всех шумов этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся в пространстве, оно лежало внизу, далеко белея сквозь сумрак бегущими к земле гривами пены. Страшен был и беспорядочный гул старых тополей за оградой сада, мрачным островом выроставшего на скалистом побережье. Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь поздней осени. Старый большой сад, забитый на зиму дом и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудело ровно, победно и казалось все величавее в сознании своей силы. Влажный ветер валил с ног на обрыве, и мы долго не в состоянии были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свежестью. Потом, скользя по мокрым тропинкам и остаткам деревянных лестниц, мы стали спускаться вниз, к сверкающему пеной прибою. Ступив на гравий, мы тотчас же отскочили в сторону от волны, разбившейся о камни. Высились и гудели черные тополя, а под ними жадным и бешеным прибоем играло море.

У Собакевича

Деревня Собакевича показалась Чичикову довольно велика. Два леса, как два крыла, окружали ее справа и слева. Посреди виднелся деревянный дом с красной крышей и темно-серыми стенами. Было заметно, что при его постройке архитектор беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Архитектор хотел симметрии, хозяин — удобства, вследствие этого он заколотил на одной стороне все окна, и оставил только одно маленькое, понадобившееся для темного чулана.

Сам двор был окружен крепкой и непомерно толстой деревянной решеткой. Помещик, казалось, очень заботился о прочности хозяйственных строений, поэтому на конюшни, сараи и кухни были употреблены толстые бревна, предназначенные на вековое стояние.

На деревенских избах мужиков не было резных узоров и прочих затей, зато все было пригнано плотно и добросовестно. Далее колодец был сделан из такого крепкого дуба, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, все, что видел Чичиков, было в каком-то крепком, но неуклюжем порядке.

Коляска Чичикова подъехала к крыльцу, на котором сразу же показался лакей. Он ввел Чичикова в сени, где его ожидал сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» — и повел его в комнаты.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, тот ему показался весьма похожим на медведя средней величины. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета. Ходил Собакевич также по-медвежьи: ступни он ставил вкривь и вкось и беспрестанно наступал на чужие ноги.

Есть на свете такие лица, при отделке которых природа не употребляла никаких мелких инструментов, а просто рубила с плеча:хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и пустила на свет. Именно такое лицо было у Собакевича. Чаще он смотрел вниз, шеей не ворочал вовсе и из-за этого редко глядел на того человека, с которым разговаривал. Чичиков еще раз взглянул на него искоса и подумал, что здешний хозяин — совершенный медведь. Его даже звали Михайлом Семеновичем.

Проводив Чичикова в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказав опять: «Прошу!» Чичиков сел, взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах были полководцы, изображенные во весь рост. Все эти герои были очень полными и имели такие огромные усы, что дрожь проходила по телу. Хозяин был здоровым и крепким человеком и, видимо, хотел, чтобы комнату его украшали тоже крепкие и здоровые люди. У окна висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета, тоже очень похожий на Собакевича.

Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как вошла хозяйка, дама весьма высокая. Двигалась она степенно и держала голову прямо, как пальма.

— Это моя Феодулия Ивановна! — сказал Собакевич.

Феодулия Ивановна попросила садиться и сделала движение головою, какое обычно делают актрисы, представляющие королев. Затем она уселась на диване и более уже не двинула ни глазом, ни даже бровью.

Все хранили молчание. Чичиков еще раз окинул взглядом комнату. Все в ней было прочно, в высочайшей степени неуклюже и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома. В углу гостиной стояло на четырех нелепых ногах пузатое ореховое бюро, напоминавшее медведя. Стол, кресла, стулья, казалось, говорили: «И я тоже очень похож на Собакевича!» (484 слова)

Черная топь

Однажды я возвращался домой.

Чтобы сократить дорогу, я свернул с тропинки и помчался по кочковатой равнине. Вдруг я заметил, что лошадь замедлила ход, шаг ее стал неуверенным.

«Черная топь! — резанула ледяная мысль. — Скорей назад!» Я дернул повод. Лошадь только повернула голову и осталась стоять на месте, тихо вздрагивая.

Вокруг было болото. Ни кустика, ни деревца, за что можно было бы уцепиться. И никого. Сумерки и топь. И одна мысль: лишь бы не рванулся конь в попытке освободиться из топи. Тогда все кончено: разворотится гнилой покров и втянет меня.

Но конь был умен. Ни одним мускулом не пошевелил он, пока я заматывал ему вокруг шеи повод. Он оставался недвижим все время, пока я с кочки на кочку, то и дело срываясь, выбрался на край страшного болота. И лишь когда я свистнул ему, он бешеным рывком взмыл над топью и то на коленях, то на боку, то прыжками вымахнул ко мне, мокрый и грязный, тяжело дыша.